

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 91-102
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.91

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Orenburg Kazakhs of the Eastern part and Imperial Services: the Specifics of Kazakh-Russian Contacts in the first half of the XIX century

Gyulnar K. Mukanova ^{a,*}, Samat Zhumatay ^b, Kuralay K. Sarsembina ^a, Satay M. Syzdykov ^b

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The history of Russian-Kazakh relations in the first half of the 19th century has been poorly studied. Thus, the “white spots” of the historiography of the topic remain the personalities of Kazakh public figures and their participation in negotiation processes with the border imperial services. Not only khans, sultans and batyrs, but also representatives of the clergy, as it turned out, were involved in political processes in the border regions. In the twentieth century, these categories of nomadic society were classified as a “hostile class” and completely removed from scientific circulation. From a new methodological standpoint, it makes sense to study the essence of social protest among the Orenburg Kazakhs of the eastern part, in which Maral Ishan Kurmanov, of course, played the role of a spiritual leader. Based on scientific methods (analysis and synthesis, comparative studies, principles of historicism and verification of sources), materials from the central historical archives of Russia and Kazakhstan, periodicals and books of the XIX century were identified, systematized and studied. The discovery of correspondence between the border administration and M. Kurmanov reveals little-known aspects of border contacts. The article attempts to compare the tactics of steppe leaders, who often used diplomacy as a peaceful way to solve problematic issues. The materials of the pre-revolutionary press have been critically studied. The facts of migration, together with M. Kurmanov, of Kazakh families in the southern and south-eastern directions, as a result of the land crisis and a number of unresolved issues, have been revealed.

Keywords: history, Russian Empire, steppe, Kazakh-Russian relations, social protests, spiritual leaders, healers, migration.

1. Введение

История русско-казахских отношений первой половины XIX века была насыщена интересными событиями, в основе которых прослеживается выражавшееся в обоюдных письменных заверениях сторон общее стремление к миру и спокойствию. Как показывает анализ источников из архивов и сохранившихся нарративов, с обеих сторон проявлялись взаимное уважение и желание находить компромисс. Немаловажно, что достаточно активную деятельность в обозначенном плане проявляли представители мусульманского духовенства – ишаны и хазреты. Ишан – это титул, которым в Центральной Азии обозначали уважаемых и почитаемых духовных лиц, в частности лидеров суфийских общин. По мнению Наливкина, «суфиями называются все те, которые признали над собою руководство того или другого ишана, выразили готовность состоять под его духовным воздействием, чрез возложение своей руки в руку ишана» (*Материалы...*, 1989: 18). Однако к середине XIX века деятельность ишанов сводилась преимущественно к врачеванию и выдаче оберегов (каз. – *тумар*), а также к организации регулярных коллективных молитвенных сеансов (*Ислам*, 2001: 223). В среде оренбургских казахов так называемой восточной части (территориально это земли между

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova), kopeev95@mail.ru (S. Zhumatay)

кочевьями казахов Младшего и Среднего жузов) в изучаемый период становится популярным целитель-ишан по имени Марал, сын Курмана. От отца Марал наследует навыки целительства. Пройдя обучение в бухарском медресе, Марал Курманов усовершенствовал знания восточного целительства. Объединив фундаментальные наработки Ибн-Сины (Авиценны), которые преподавались в среднеазиатских духовных учебных заведениях, с опытом народной медицины, он становится востребован и как проповедник. К нему тянутся сородичи из казахского рода Керей, казахи родов Аргын, Кыпчак, Шомекей, Адай. Безусловно, его деятельность была бы более полно известна, если бы исследователи располагали его личными записями, однако, к сожалению, при тех условиях кочевания они не могли сохраниться. Частично письма к ишану от управителей казахских родов хранятся у его потомков, ныне проживающих в Кызыл-ординской области Казахстана и г. Алматы. На данный момент, чтобы раскрыть для широкой общественности сокровища прадеда, важно прочесть их на чагатайском и старотатарском языках (Полевые..., 2001–2024). Важно оценить масштаб личности Марала Курманова. В ранге ишана он был практически единственным из казахских суфиев, поставивших свою подпись под официальным обращением к российским пограничным службам.

Религиозные взгляды Марала Курманова, по мнению специалистов, подлежат суфийскому направлению в исламе (Абиль, 2012: 17). Духовный статус ишана позволял ему вести нравоучительные беседы, читать и организовывать коллективные молитвы, словом, направлять сознательную часть сообщества. Сохранились сведения, к примеру, что Марал ишан рекомендовал казахам переходить к оседлому образу жизни, осваивать ремесла (Жумадилдаев, Алпысбес, 2019: 31). То есть он не был религиозным фанатиком, напротив, трезво смотрел на действительность и мог повлиять на окружающих. Изучение биографии и деятельности Марала Курманова только расширит, на наш взгляд, имеющиеся в распоряжении востоковедов представления о характере русско-казахских отношений, социальных настроений периода ранней колонизации и, наконец, особенностей суфийских практик на территории Оренбуржья, Приишимья и Западной Сибири в первой половине XIX века.

Действительно, представления об ишанах у европейских и российских путешественников, востоковедов-этнографов могли оказаться поверхностными, ведь они складывались зачастую из устных пересказов местных жителей. Так, например, И. Гейер сообщал, что ишанами считались лица начитанные, «...получившие духовное образование в высших медресе Бухары и Самарканда или, после строгого испытания по богословию у знаменитых мусульманских теологов, получившие грамоты на звание ишана». Также о них складывалось впечатление, что «...ишан, ведя образ жизни праведника, в то же время не отказывается и от мирской жизни» (Гейер, 1891: 70). Это соответствовало действительности: географические условия и кочевой образ жизни казахов изучаемого региона диктовали ишанам-целителям оптимальный образ жизни. Ишаны также кочевали вместе с сородичами и разделяли с ними все тяготы и прелести степного кочевья. Когда же возникали достаточно сложные взаимоотношения казахов на границе их земель, они апеллировали к ишанам, казавшимся им воплощением справедливости и обладателями знаний свыше. Каким же образом эта безусловная вера казахов во всемогущество ишанов воздействовала на их самоидентичность, когда потребовалось вступить в переговоры с пограничными службами империи? Ответ на этот вопрос авторы статьи искали в архивах и источниках XIX столетия.

2. Материалы и методы

В ходе исследования были использованы архивные источники из фондов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация). К ним применены традиционные методы источниковедения: внутренняя и внешняя критика источников и исторического синтеза. В частности, изучены материалы Фонда №1291 «Земский Отдел Министерства внутренних дел». В данном фонде по описи 21 встречается дело №84 под названием «1821 г. О появлении в киргизских степях лжепророка киргиза Марала Курманова и сборе сведений о нем» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 21. Д. 84). Документы представляют собой оригиналы и копии писем Марала Курманова, сведения о нем и переписку имперских ведомств вокруг писем и действий ишана и его окружения. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Алматы, Казахстан) (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791) хранятся копии этих материалов, как и другие источники, позволившие выявить общие черты в дипломатии Марала ишана и Кенесары султана (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4683, 4757, 4784, 4798, 4804). Источники из фондов Государственного архива Оренбургской области (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1558 и др.) представляют собой письменные обращения одного из казахских султанов Младшего жуза к пограничному начальству. Сопоставление их контента с письмом от казахов Среднего жуза позволило выявить специфику позиции отдельных лиц. Были критически исследованы газетные публикации И. Казанцева, чиновника канцелярии Оренбургского генерал-губернатора, служившего примерно в то же десятилетие, когда популярность ишана Марала среди оренбургских казахов была максимальной (Казанцев, 1839). Статья Ильи Казанцева в двух номерах «Санкт-Петербургских ведомостей» сама по себе уникальна: он опубликовал заметки о казахах и их

обычаях в столичной прессе. В книге И. Казанцева «Описание Киргиз-Кайсак», также вышедшей в Санкт-Петербурге, но значительно позже, в 1867 году, автор объясняет столь большой временной промежуток между первыми публикациями и этой книгой в виде приложений к книге. В корпус книги практически без изменений вошла газетная публикация из «Санкт-Петербургских ведомостей» (Казанцев, 1867: 36-37), что свидетельствует о ее ценности для автора. Казанцев продолжал исследование истории и этнографии казахского народа и посчитал необходимым оставить материал о Марале ишане Курманове в издании 1867 года. Публикации И. Казанцева основаны на собранных им устных сведениях от оренбургских казахов. Вместе с тем он поступил на службу позднее, чем ишан Марал откочевал от Оренбурга со своими приближенными на юг, но, заинтересовавшись фигурой казахского лидера, Илья Казанцев все же стал наводить о нем справки. В этом случае достоверность опубликованных им сведений не абсолютна. Некоторая информация об ишане явно преувеличена и отдает мистикой. Отголоски противоречивых сведений об ишане попали и в труды исследователей Центральной Азии без должной критики.

Согласно проблемно-хронологическому и проблемно-географическому методам, изученные материалы систематизированы в хронологической последовательности с учетом их территориального происхождения. В первых печатных изданиях на казахском языке начала XX века (например, в журнале «Айкап», выходившем в Оренбурге с 1911 по 1915 гг.) есть сведения о казахских ишанах, практиковавших в пределах Сырдарьинского генерал-губернаторства, что подтверждает факт миграции мусульманских священнослужителей из-под Оренбурга на юг (Айкап. 1912. № 1). Автор заметки на тему «Әулие-ата хабарлары» («Известия из Аулие-ата») Мухамед-Салим Кошимов утверждал, что в городе Аулие-Ата проживает немало ишанов и их мюридов (Айкап. 1912. № 1). Заметки и фельетоны М. Кошимова в журнале указывают на факт пребывания ишанов в городах Троицк, Аулие-ата, а также на их приверженность ортодоксальному исламу. К тому же в начале XX века большинство ишанов выступало против открытия светских джадидских школ, против обучения казахских девочек в медресе. Стиль корреспонденций в журнале вызывал озабоченность у читателей. Письма в редакцию журнала с просьбой оградить ишанов от насмешек поступали из Уфы и других регионов (Айкап. Май 1912. №5). В форме фельетона опубликовал в этом же издании свое мнение об ишанах известный казахский просветитель, целитель Машгур Жусип Копеев (Айкап. Август-сентябрь 1912. № 8).

Описанные выше разряды источников подвергнуты критическому переосмыслению и сопоставлению на основе применения методов критического анализа, в частности при идентификации архивных документов, метода анализа и синтеза, индукции и дедукции, контент- и ивент-анализа, компаративного анализа и проч. В ходе исследования, которое изначально являлось по характеру историко-культурным, авторы придерживались общих принципов исторической науки: историзма и научной объективности, культурно-цивилизационного подхода в рассмотрении этапов истории на основе междисциплинарных исследований.

3. Обсуждение

Одним из первых о Марале ишане сообщил общественности Илья Михайлович Казанцев, регулярно публиковавший в центральной российской прессе информации о казахах Младшего и Среднего жузов. Так, весной 1839 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» вышла подобная статья (Казанцев, 1839: 354). Собранные эти и другие материалы по истории и этнографии казахов были изданы И. Казанцевым в вышедшей в Санкт-Петербурге авторской книге «Описание киргиз-кайсак» (Казанцев, 1867). История этого издания имела свои нюансы. Изначально автор обратился в Русское географическое общество в августе 1852 года, где указал, что прослужил более двадцати лет в канцелярии правителей Оренбургского края: Волконского, Эссена, Сухтелена и Перовского, а также лично знал казахских ханов Ширгазы и Джангира, султанов-правителей и собрал сведения «о башкирцах, киргиз-кайсаках и хивинцах». Его обращение было продиктовано желанием издать собранные материалы под патронатом Императорского Российского Географического Общества (Казанцев, 1867: 1). Вместе с тем ИРГО на тот момент лишь обещало рассмотреть такую возможность, о чем Казанцеву письменно сообщил К. Арсеньев (Казанцев, 1867: 6). Настойчивый автор обратился в Императорскую Академию наук, откуда в июне 1857 года пришел письменный отказ печатать труд «Описание киргиз-кайсак» от секретаря Академии наук К. Зилова. Действительно, собранные Казанцевым нарративы и другие сведения не всегда были изложены, строго выражаясь, «с научной целью», как того требовал Устав Академии (Казанцев, 1867: 7). Наконец, в 1867 году труд И.М. Казанцева увидел свет в Санкт-Петербурге. Издание на настоящий момент относится к числу раритетных. Приводимые в нем сведения интересны и отражают взгляд рядового чиновника оренбургской канцелярии на восточные народности. Вместе с тем в этой книге содержатся малоизвестные факты, нарративы, которые автор мог получить лишь путем расспросов у местного казахского населения.

Казахская интеллигенция также не осталась равнодушной к теме проповедников-целителей. Так, об ишанах писал еще в середине XIX века казахский ученый Шокан Валиханов. В своей статье «О мусульманстве в степи» он довольно критически отзывался об ишанах (Валиханов, 1904: 199).

Династийность в роду ишанов отметил Е. Абиль: «...сын Марала, Кулмухаммед (Калкай), родившийся в 1815 году, также стал ишаном» (1, 2012: 18). Интересно, что в личном архиве Калкай ишана после его кончины были найдены рукописи тюркских эпосов «Ер-Косай» и «Камбар-батыр». Рукопись эпоса «Ер Косай» о батыре XVI-XVII вв. в Центральную научную библиотеку (г. Алматы) в 1940 году сдал его земляк Асайып Хангелдин (Кұмар, 2011). Между тем имя и подвиги Ер Косая, сына батыра Ер Кокше, упоминаются в трудах востоковедов В.В. Бартольда и Г.Н. Потанина (Потанин, 1918: 102). Продвижение России в Центральной Азии накладывало отпечаток на историко-этнографические изыскания. В «Материалах к изучению бытовых черт мусульманского населения Туркестанского края» (1891 г.) описывается положение ишанов второй половины и конца XIX века, где автор И. Гейер характеризует религиозную практику ишанов присырдарьинского региона не совсем объективно. Ценно то, что И. Гейер приводит имена ряда казахских целителей и проповедников: ишан Ай-Ходжа, Кушум ишан, Муким-Ата (Гейер, 1891: 70).

Ишаны должны были иметь своих последователей, именовавшихся муридами (или мюридами). Российские авторы, преимущественно офицеры, занимались сбором материалов о взаимоотношениях ишанов и мюридов. Так, опыт пребывания на Кавказе позволил А.И. Руновскому сравнивать институты мюридизма и газавата, причем в изложении известного имама Шамиля (Руновский, 1863). В смысле последователя, сподвижника ишана, обозначение «мюри́д» (араб. مرید – последователь, ученик) в суфизме также обозначало ученика, находившегося на первой (низшей) ступени посвящения и духовного самосовершенствования. Следует заметить, что термин «мурид»/«мюрид», в отличие от Кавказа, в исследуемый период в казахском обществе не имел широкого распространения. Под мюридами в степи могли пониматься и султаны, и казахские батыры, которые составляли близкий круг общения ишанов.

Основу источников о характере взаимоотношений степняков, в их числе ишанов, со среднеазиатскими владениями, как отмечалось выше, составляли преимущественно отчеты военных, казаков, участников специальных миссий. В начале XX века записи хорунжего Н.И. Потанина были изданы (Потанин, 1909: 191-258). Об ишанах оставили записи также путешествовавший по России венгерский ученый Арминий Вамбери (Вамбери, 1884), исследователь Н.Г. Маллицкий (Маллицкий, 1898). Незнание восточных языков и традиций некоторыми авторами не способствовало формированию объективных мнений о народах Центральной Азии и суфийских практиках. Вопросы социально-политической истории Казахстана и народного целительства в XX веке освещались с большими купюрами. Вышло несколько изданий, в которых присутствовал схожий контент. Так, о роли султанов-правителей в политической структуре Казахстана первой половины XIX века писал правовед С.З. Зиманов (Зиманов, 1960). Об аулие Сейтпенбете, жившем в конце XVIII – первой половине XIX вв., сообщал профессор С. Толыбеков (Толыбеков, 1992). Современная историография вокруг практики казахских ишанов формируется благодаря поискам краеведов, сотрудников Научного центра «Асыл мұра» (Полевые..., 2001–2024). Персоналии ишанов опубликованы в региональных сборниках (Сүгірбаев, 2010: 216). Часть публикаций на казахском языке основана на пересказе легенд и биографий потомков Марала ишана, на воспоминаниях очевидцев (Нұртайұлы, 2004), рукописях Каратая Бигожина (Жұмабаев, 2009). Легендарная личность не ускользнула из поля зрения мастеров художественного слова. Так, классик казахской советской литературы Сабит Муканов пишет о Марал ишане в своем романе «Промелькнувший метеор» (каз. «Аққан жұлдыз») (Муканов, 1970). Другая часть изданий по истории Западной Сибири и Казахстана имеет научный характер (Күзембайұлы, 2011; Kabuldinov et al., 2022). О роли ишанов есть любопытные сведения в российских энциклопедических справочниках: «...в Центральной Азии и Урало-Волжском регионе в суфизме стала выделяться особая ветвь – ишанизм, которая характеризуется ослаблением религиозно-мистической составляющей и усилением роли социальных и ритуальных аспектов взаимоотношений между учителем (муршид) и учеником (мюрид)» (Ислам..., 1999: 40).

Разумеется, фигура исламского духовного лица, смело адресовавшего письма российским властям, привлекла внимание исследователей в дальнейшем зарубежье (Becker, 2004).

Зарубежные исследователи обратились к теме колонизации Россией Казахстана и деятельности суфиев (Frank, Usmanov, 2004), взаимоотношений России, Цинской империи и центральноазиатских ханств Бухары и Хивы, которые играли определенную роль в истории Казахского ханства, особенно его юго-западных и южных областей. Так, S. Becker полагает, что «... подход России к региону эволюционировал от невмешательства, основной целью которого было предотвращение британской экспансии из Индии в регион, к усилению вмешательства по мере роста торговли» (Becker, 2004: 7), а также к заселению края крестьянами-переселенцами. Британский автор ранее обращался к истории казахских жузов в контексте эволюции политики царизма в Средней Азии (Becker, 1994: 21-38). История соперничества держав за влияние в Центральной Азии в XIX веке лежит в основе публикации другого британского ученого (Morgan, 1981). Тема эволюции царской политики в центральноазиатской части материка поднималась и в работе американского исследователя Brower, Daniel (Brower, 1997). Мусульманские служители, выходцы из казахских жузов, возвращались в Степь, получив образование и статус ишанов в среднеазиатских духовных центрах.

Однако в перечисленных изданиях дальнего зарубежья тема казахских ишанов и их участия в переписке с российскими пограничными службами не была раскрыта.

4. Результаты

Письменные обращения казаха Марала Курманова в оренбургскую администрацию, отражают в целом миролюбивый тон автора (РГИА Ф. 1291 Оп. 81 Д. 84. Л. 10-11). Ишан был потомственным лекарем, азы целительства ему привил родной отец, Курман. Более детально о происхождении Марала Курманова сообщается в докладной от 15 ноября 1821 года титулярного советника Климша, служившего в Сибирском отдельном корпусе (г. Омск), в адрес Азиатского департамента МИД: «...происходит от киргиз киреевской (керей) волости, кочевавших прежде при крепости Троицкой, которого отец занимался лечением киргизцов (казахов)...» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 84. Л. 7). Образование Марал Курманов получил в бухарском медресе, где он сдал соответствующий экзамен на ранг ишана, и вернулся в отчие края.

В письменном обращении казахского ишана фигурируют выражения «...благополучие, мир, тишина и спокойствие», которыми Марал Курманов, он же Иса хазрет, характеризовал обстановку на русско-казахской границе «...за несколько до сего лет» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 20). Остановившись на состоянии казахско-русских отношений, автор письма в итоге выразил категоричную просьбу: «я Вас, господин генерал (Эссен), покорнейше прошу дать мне позволение и путь ехать к Государю императору...». Из этого можно сделать вывод, что резиденция П.К. Эссена в Оренбурге для Марала ишана была лишь транзитным пунктом, посредством генерала он намеревался отправиться в столицу. Цели его предполагаемого визита к императору проистекают из содержания письма, где Марал ишан намерен защищать земли казахов и выяснить, каким образом казахи «вошли в землю русскую» (то есть стали подданными царя). Внимательное прочтение содержания писем оставляет впечатление, что Марал ишан адресовал свои письма не от себя лично, а мог быть посредником между Кокандским владением и Россией. Содержание письма заинтересовало российские ведомства. Так, в публикации И. Крафта за 1900 год утверждается, что «...в декабре 1821 года вице-канцлер граф К. Нессельроде просит сибирского генерал-губернатора М. Сперанского высказать свое мнение о Марале Курманове. Губернатор рекомендовал пригласить последнего «под благовидным предлогом» на пограничную линию» (Крафт, 1900: 89). Трактовка И. Крафтом событий первой четверти XIX века в русско-казахских отношениях и в целом политики России в Средней Азии наводит на суждение, что, поскольку регион оставался еще загадочным, то России выдерживалась тактика «мягкой разведки» намерений Коканда, Хивы и Бухары. Соответственно, имевшие влияние на массы личности, наподобие Марала Курманова, вызывали интерес. Через них внешнеполитическое ведомство имело реальные шансы отслеживать намерения среднеазиатских владений.

Обращения Марала ишана к пограничным властям были тщательно изучены в Азиатском департаменте. Далее по инстанции 9 мая 1822 года чиновники докладывали Оренбургскому военному губернатору, «Его Высокопревосходительству П.К. Эсену», что просьба Марала Курманова на проезд в Санкт-Петербург получила положительный отзыв: «...Его Величество Высочайше соизволил на удовлетворение желания означенного азиатца» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 34). Соответствующее указание «...вызвать азиатца Марала Курманова на линию, отправить его в Санкт-Петербург» было получено в Омске 13 февраля 1822 года (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 35). Такой исход просьбы «азиатца» (добиться аудиенции в имперской столице) интересен теоретически: как бы повлияла такая встреча с императором на русско-казахские отношения? Однако приграничной администрации не удалось к намеченной дате отыскать М. Курманова. Согласно противоречивым донесениям казачьего майора Набокова, опрошенных башкир, а также казахского волостного Зилгары Байтокина (РГИА. Ф. 1291. Оп. 21. Д. 84. Л. 17-170б.), Марал ишан либо отправился «на помощь бухарцам, ведущим войну против хивинцев», либо откочевал на реку Сырдарья (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 35).

Переписка вокруг личности Марала ишана имела продолжение и в следующем, 1823 году. Важность фигуры ишана для российской стороны заметна в факте включения в состав российской специальной миссии для передачи ответного письма Маралу Курманову переводчика Усова. Это выдает заинтересованность российской стороны в правильном изложении позиции ишана для выстраивания дальнейших контактов. Упомянутая миссия была направлена сразу к нескольким лицам из окружения ишана: к казахскому султану Жуме Кудаймендину, Байсалу Аتكельтирову, Мусе батыру и Маралу Курманову (РГИА. Ф. 1291. Оп. 21. Д. 84). Перечисленные лица составляли ближайший круг ишана и также имели авторитет среди казахов Сары-арки. О каждом из них сохранились сведения, которые характеризуют их в исследуемый период как элиту казахского сообщества. К примеру, Кудаймендин Жума был из числа потомков хана Младшего жуза Абулхайра. Согласно «Указу об оренбургских киргизах», 27 мая 1799 года была создана Оренбургская пограничная комиссия для управления территорией Западного Казахстана, подотчетная МИД Российской империи и оренбургскому военному губернатору. И лишь с 1844 года в жузах из числа чингизидов стали назначаться султаны-правители. Так, казахи Младшего жуза стали подчиняться последовательно Каратаю Нуралиеву, Темиру Ералиеву и Жуме Кудаймендиеву (Казахстан..., 2019: 368).

По другим данным, с 1831 года в Восточной части Младшего казахского жуза вместо прежней ханской власти была внедрена дистанционная система управления. Всего насчитывалось 28 дистанций. Были введены должности султанов-правителей. В Восточной части первыми султанами-правителями стали Жума Кудаймендин (годы правления: 1824–1830), Жанторе Жихангеров (1830–1835), султаны Шотай Бактыгереев (1835–1841), Ахмет Жанторин (1841–1851) и М. Жанторин (1851–1869). Ставка султанов-правителей размещалась в Усть-Уй. На 1843 год в подчинении султана-правителя Восточной части Младшего казахского жуза находилось порядка 18 тысяч человек, в их числе казахские роды алимулы, а также сезонно кочевавшие в районе Сырдарьи керей, кыпшаки, аргыны из Среднего жуза (*Казахстан...*, 2020: 729).

Что касается упоминавшегося в письмах оренбургской администрации Мусы батыра, сведения о нем фрагментарны. В статье Добросмыслова о нем сказано: «...Жума был орудием в руках Мусы Даутова, Джантюре (Каипов) – киргиза Маметека Жаугашарова. Эти главари носили звания аталыков» (*Добросмыслов, 1901: 271*). Эти детали позволяют выяснить реалии первой половины XIX века, когда батыры («главари») играли значимую роль в социальной структуре казахского сообщества и именовались аталыками. О казахском Мусе батыре Добросмыслов упоминает неоднократно (*Добросмыслов, 1901: 256*) как о сыне Даут батыра и внуке тархана Жаныбека (*Добросмыслов, 1901: 247*). Мы склоняемся к версии, что Муса батыр происходил из рода атыгай Среднего казахского жуза. О его происхождении известно, что он действительно являлся сыном известного казахского батыра, тархана Дауитбая Жанибекулы (годы жизни: 1712–1783). По линии отца Муса батыр приходится внуком знаменитого батыра Шакшак Жанибека (*Бекмаханов, 1957: 110*), (*Казахстан, 2019: 594*). Не без участия Мусы батыра был совершен ряд набегов и угонов конных гуртов у соседних казахских родов. В частности, в 1828 году были угнаны лошади у султана Чингиза Валиханова, которому пришлось обращаться в Оренбургскую пограничную комиссию (*ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4757. Л. 2-12*).

Третий адресат письма из Оренбурга – Байсал Аتكельтиров. Его личность установлена исследователем С. Нуртайулы. Происходил из рода керей Среднего казахского жуза и был старшиной Керейской волости. Эти сведения вошли в Энциклопедию истории Казахстана (*Казахстан...*, 2019: 824). Выявленные данные по идентификации окружения Марала ишана указывают на его миролюбивые взаимоотношения с представителями и Среднего, и Младшего казахских жузов. Он находил общий язык с единомышленниками родов алимулы, аргын, керей, кыпшак и не выделял особо ни одно подразделение. На равных он общался и с потомственными чингизидами, и с «черной костью» казахов. Так, Марал ишан входил в состав ханского совета при султানে Среднего казахского жуза Кенесары, и по велению султана спорные дела решались по мусульманскому праву, шарияту (*Казахстан...*, 2019: 824).

Классик казахской литературы, собиратель исторических фактов, знаток тюркской этнографии Сабит Муканов в своем романе «Аккан жұлдыз» («Промелькнувший метеор») неоднократно упоминает события начала тридцатых годов XIX века, происходившие близ местности Аманкарагай, где у озера Аулиеколь располагался Марал ишан, к которому затем присоединились отряды султана Кенесары. Писатель утверждал, опираясь на местных старожилов, что озеро получило название в честь духовного служителя ишана, обладавшего даром целительства (*Муканов, 1970: 33, 58*). Вспоминая свое детство, Сабит Муканов в другом романе пишет о своем отце, который чтит Марал ишана как родственника и однажды (приблизительно в 1916 году) отправился в местность Кармакшы на берегу Сырдарьи. Там его уважительно встретил внук ишана, Тобагабыл аулие, сын Калкай ишана (*Муканов, 2022: 19-20*). Эти сведения подтверждают тот факт, что и сын, и внук Марал ишана продолжили его путь суфия.

Контакты ишана с султаном Кенесары доказываются тем, что в мае 1841 года Марал Курманов был приглашен на ас (поминки) памяти отца султана, Касыма-торе. Кроме ишана, на поминки прибыли уважаемые в Степи султаны-чингизиды Сарман бий, Саукын бий, батыр Байкадам, батыр Мендыбай и султан Балагап из Коканда (*Казахстан, 2020: 824*). Любопытно, что история русско-казахских отношений в двадцатые годы XIX века содержит факты схожей переписки с генерал-лейтенантом, Оренбургским военным губернатором П.К. Эссенем, чингизида-султана Каратая Нуралиева из Младшего казахского жуза. Так, в письме от 25 декабря 1820 года султан Нуралиев почтительно пишет Эссену: «...расположился я кочевием своим при Сасыккуле и Каракуме, да к тому же намерен всегда кочевать при линии и повиноваться предписаниям пограничного начальства» (*ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1558. Л. 62*). Характерно, что в обращении к пограничным властям султан Каратай Нуралиев, как и Марал Курманов, ратует за то, что в крае необходимо «...восстановить тишину и спокойствие» (*ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1558. Л. 62об.*). Губернатор Эссен в своих встречных письмах апеллировал к султанам, настаивая на том, чтобы местные управители «... всегда сохраняли верность и долг к Высокомонаршему Российскому престолу» и обеспечивали безопасность караванов (Из письма Эссена султану Каратаю Нуралиеву от 24 мая 1819 года, *ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1558. Л. 66-67*).

После 1821 года о Марал ишане пограничные власти информацией располагали в меньшей степени. Причинами могли быть следующие факторы: его откочевка в южном направлении либо ранение и болезнь. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» в 1839 году в заметке И. Казанцева об

этом сообщается следующее: «...один из подобных предсказателей, по имени Морал, около 1820 года, вошел в такую славу, что решился выдавать себя за Пророка и был им признаваем от Киргизов, но излишняя самонадеянность погубила его. Он убедил киргизов сделать нападение на отряд, бывший в то время в степи, под начальством инженерного офицера, для топографических съемок, обещая, что находящуюся при отряде пушку обратит в глиняную, не способную к действию. Киргизы послушали колдуна, но нападение их было неудачно... С того времени о колдуне Морале не было никаких известий» (Казанцев, 1839).

По содержанию архивных источников (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 84. Л. 16) прослеживается связь между действиями Марала Курманова и султана Среднего казахского жуза Касыма, что также не было ранее освещено в историографии. Изучение архивных материалов показало, что в 30-40-е годы XIX века Степь в восточной части Младшего казахского жуза сотрясали нападения на торговые караваны, двигавшиеся в Оренбург и из него в среднеазиатские владения, а также имели место факты пленения казахов и взаимные набеги одних казахских родов на соседние. К примеру, кыпчакские роды нападали на джагалбайлинцев (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4784), аргынские казахи страдали от барымты (угона скота) со стороны алимулинцев (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Кн. 2. Д. 4757, 4758 и др.). К урегулированию споров между казахами Средней и Западной частей привлекались как чиновники пограничных комиссий, так и местные духовные служители (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4804). Эти и другие источники косвенно свидетельствуют о возросшем уровне нападений на купеческие караваны (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4798), о взаимных кражах скота и мелких уголовных деяниях. Последствия выразились в земельном кризисе, в ликвидации сильной ханской власти и в частичном сужении функций суда биев, при которых такие проступки строго наказывались.

Любопытно провести сравнение тех дипломатических мер, которые принимала казахская элита Младшего и Среднего жузов. Как следует из текстов архивных документов, осенью 1840 года султан направил на Сибирскую линию делегацию с письмом на имя Кириллова. В официальной переписке с Оренбургом генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков так и пишет: «...о присылке Кенесарю на Сибирскую линию посла» (ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 4683. Л. 4). Под послом Кириллов имел в виду бия казахской Козгановской волости Асата Атымбекова, прибывшего 1 октября 1840 года к Ишимской линии, которой командовал на тот момент майор Гайюс (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4683. Л. 4-40б.).

Исследователь Д. Аяшинов приводит отрывок из письма Кенесары, которое привез А. Атымбеков на Ишимскую линию. В нем сказано: «Отправив к услугам Вашим казака Лобанова и Асата Атымбекова послами, мы покорнейше просим: будьте благосклонны, милостивейше позволите отпустить захваченных неприятельски в военное время молодцов: Чубана и Чормана, султанов Кульджана, Кочека и Нурхана, жену киргиза Байтоса Айсару с детьми и всех содержащихся в диванах (приказах) людей, за освобождение коих каких бы услуг ни требовали, мы все исполним» (Аяшинов, 2013). Как выяснилось, глава посольства от Кенесары на Ишимскую линию, бий Асан Атымбеков, был лично заинтересован в том, чтобы российские власти вернули плененного акмолинским отрядом его сына Шормана и племянника Шабана. Таким образом, первая часть письма султана Кенесары об обмене пленными была инициирована бием Атымбековым. В казахском социуме бии имели авторитет и нередко входили в состав посольств, участвовали в переговорах с соседними государствами.

Если углубиться в намерения миссии Атымбекова 1840 года, одна из ее задач заключалась в реализации плана Кенесары по обмену пленными. Бий Атымбеков с собой на Ишимскую линию привез урядника 2-го Сибирского казачьего полка Лобанова, захваченного казахами в 1838 году (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4683. Л. 4). В переписке пограничных служб отмечается, что члены посольства, в том числе и Лобанов, были опрятно одеты. Это должно было показать, что условия содержания пленников в отрядах Кенесары сносные. Следующая задача миссии касалась территориальных спорных вопросов. Так, султан Касымов выдвинул требование о «... возвращении разновременно захваченных русскими отрядами, киргиз и уступки в их (казахов Среднего жуза) ведение рек: Ишима и Нуры, гор Улутау и Кичитау и трех речен Кенгиров, с угрозой в противном случае удалиться в Хиву» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4683. Л. 40б.). Эти просьбы Горчаковым были отвергнуты как исходящие от мятежного султана, доставлявшего много беспокойств на линии. Губернатор, который отличался воинственным нравом и имел до назначения в Сибирь опыт военных действий на Кавказе и в Крыму, не был склонен к переговорам, и даже тот факт, что пленный казак Лобанов был доставлен в целостности и здравии, не смог смягчить гнев Горчакова (Аубакирова, 2020: 457).

Прошениям казахов Среднего жуза, выраженным в письмах Кенесары осенью 1840 года, не был дан ход. Шаткий мир, который был достигнут в 1840–1841 гг. на Ишимской линии, оказался недолгим. Кенесары сдержал обещание и двинул свои отряды на юг. Неслучайно им был использован в качестве аргумента маршрут в пределы Хивинского ханства. Султан был, по-видимому, осведомлен о неудаче Хивинского похода 1839–1840 гг., который был предпринят Россией на фоне обостряющегося соперничества с Англией в Средней Азии (Иванов, 1873: 119, 134). К нему потянулись сочувствовавшие замыслам султана бии, ишаны, батыры. Помимо этих категорий, казахи почитали «аулие» – лиц со способностями к костоправству и знахарству, обладавших знаниями о лекарственных растениях и проч. (Иванов, 1873: 7-8). Современником Марала ишана был Сейбембет (или Сейпенбет), также получивший духовное образование в медресе городов Хива и Бухара и

посетивший Каир, Багдад и Герат. Сейпенбет был потомственным служителем ислама, его отец был муллой в усыпальнице Ходжа Ахмета Яссауи в Туркестане. Изучив труды Ибн Сины (Авиценны) по медицине, он применял их на практике для лечения сородичей. Имена других казахских аулие и ишанов сохранились благодаря переписи 1899 года. Среди прочих в ней указаны Касым ходжа, Калкай ишан ([Қазақстан..., 2020: 192, 368](#)).

Казахские родословные, собранные краеведами, сохранили имена батыров и биев Среднего жуза, входивших в окружение султана Кенесары и Марала ишана. Это Шакпак би Кошекулы (1740–1837) из рода Кошебе Ашамайлы Керей ([Северо..., 2004: 586](#)) и Тленши би Токбайулы (1746–1844), окончивший медресе в Самарканде ([Северо..., 2004: 538](#)). В молодости они были причислены к рангу батыров как защитники казахских земель от набегов джунгар и калмыков. В зрелом возрасте они были признаны биями, придерживались, как и Марал ишан, основ суфизма ([Жұмабаев, 2009: 145-153](#)). Пограничным службам они были известны из рапортов казаков, устных сообщений казахских влиятельных лиц, склонных к сотрудничеству.

5. Заключение

Таким образом, вновь выявленные в архивных фондах источники позволяют более аргументированно характеризовать ситуацию вокруг взаимоотношений оренбургских казахов восточной части с пограничными службами. В двадцатые годы XIX века зафиксированы факты письменных обращений казахских султанов, батыров, биев Среднего жуза в адрес Оренбургского и Западно-Сибирского губернаторов. Между тем среди подписавших аналогичные письма от имени оренбургских казахов восточной части был мусульманский священнослужитель, ишан, что необычно само по себе. Вокруг письменной просьбы Марала ишана Курманова (начать переговоры между казахской и российской сторонами) развернулась оживленная дискуссия. Как выяснилось, личность ишана стала предметом переписки между министром иностранных дел К. Нессельроде и сибирским генерал-губернатором М. Сперанским, а не только П. Эссена и П. Капцевича, как считалось ранее. Обнаружение официальной переписки российских ведомств вокруг фигуры Марала ишана позволяет сопоставить данные современников. Любопытны рассуждения чиновника оренбургской канцелярии Ильи Казанцева. Последний в меньшей степени был знаком с официальными документами и составил портрет ишана из устных сообщений очевидцев. В отображении Казанцева преобладают домыслы и критическое отношение к личности ишана, тогда как официальная переписка МИД с пограничной администрацией содержит факты о том, что Марал Курманов лечил страждущих и тем самым обрел заслуженный авторитет.

Во взаимоотношениях с российской стороной казахские султаны, бии и духовные служители, как Марал ишан, использовали метод переговоров. Точнее, ими направлялись письменные обращения, ходатайства о возврате плененных сородичей, составлении договоренностей относительно территории кочевков и др. Этот значимый аспект двусторонних сношений несколько выпал из историографии XX века в угоду официальной идеологии. Марал Курманов (1780 – прилб. 1853 г.), ишан из рода керей, подрода ашамайлы-аксары, приобрел популярность своей целительской практикой, служением и подвижничеством. В некотором роде он стал посредником во взаимоотношениях оренбургских казахов восточной части с пограничными имперскими властями. И Кенесары Касымов, и Марал ишан принимали дипломатические меры, когда через уважаемых султанов, биев и батыров к границе отправлялись специальные посольские миссии. Российская сторона принимала посланников, письма внимательно изучались, а далее переводы писем либо перенаправлялись в Санкт-Петербург, либо поставленные в них вопросы решались на месте. Были и прецеденты, когда содержание письменных обращений от Кенесары игнорировалось, и хода им не давалось. Напротив, участников посольств направляли в те казахские волости, которые откочевали от пограничной межи, чтобы они своим авторитетом уговорили сородичей вернуться и помогли поймать К. Касымова.

Среди казахской элиты первой половины XIX века биография и служение Марала Курманова, который, выбрав путь суфия, остался верен данной миссии, представляет интерес. Невзирая на внутреннее и внешнее, порой недоброжелательное, отношение, он пропагандировал достаточно прогрессивные реформы в Степи. Обращаясь к соплеменникам, именно Марал ишан призывал их опираться на собственные силы и приобретать новые навыки в ремесле и земледелии. Дореволюционные «библиографы» из определенных побуждений рисовали образ «лжепророка» из его назиданий, тогда как советские историографы однозначно занесли его в ряды «мистиков» и сторонников вооруженного сопротивления, газавата.

Обнаруженные факты свидетельствуют в пользу миролюбивой практики взаимоотношений Марала Курманова с имперскими службами. Данный подход сыграл свою роль в нормализации двусторонних отношений на определенный период. Его активная политическая и дипломатическая деятельность в первой четверти XIX века приходилась на степные области. География маршрутов ишана охватывала районы казахских кочевий, граничивших с крепостями Оренбург, Петропавловск, Омск и др. Более поздний отрезок жизни Марал ишана пришелся на Кармакшинский район Сырдарьинской области.

Окружение Марала Курманова дублицировало его жизненные установки. Так, сын Калкай и внуки Марал ишана Тобагабыл, Абдрахман и Мамырбай также достигли ранга ишанов. В гносеологическом плане фиксируется факт формирования казахской династии суфиев, основателем которой был ишан Марал Курманов. Его влияние испытали сын Калкай и внуки. Калкай хранил рукописи исторических эпосов, в которых героями предстают батыры Ер Косай и Камбар. Вряд ли «мистики» и «лжепророки» могли бы интересоваться реальным прошлым народа и историей крупных сражений. То были личности, на наш взгляд, совмещавшие духовные практики с реалиями повседневности, владевшие методами целительства и оказавшие значительное влияние на самоидентификацию казахов оренбургского ведения в исследуемый период.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта ИРН: BR24993057.

Литература

- Абиль, 2012** – *Абиль Е.* Суфизм в национально-освободительном движении казахов второй четверти XIX века // *Materiály VIII mezinárodní vědecko - praktická konference «Dny vědy - 2012»*. Díl 55. Historie: Praha. Publishing House «Education and Science». 112 p. Pp. 16-20. [in Czech]
- Айкап, 1912** – *Айкап.* Январь – Май 1912 года.
- Аубакирова, 2020** – *Аубакирова Х.А.* Кенесары Касымов и Генерал-губернатор Западной Сибири Петр Горчаков // *Вестник КазНПУ им. Абая.* 2020. Том 4 № 67. С. 453-458.
- Аяшинов, 2012** – *Аяшинов Д.* Асат бий Атымбек улы (1775-1842). 17 апреля 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://yvision.kz/post/asat-biy-atymbek-uly-1775-1842-348172>
- Бекмаханов, 1957** – *Бекмаханов Е.* Присоединение Казахстана к России. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 337 с.
- Валиханов, 1904** – *Валиханов Ч.Ч.* О мусульманстве в степи. *Сочинения Ч. Ч. Валиханова.* Под ред. Н.И. Веселовского // *Записки Российского Географического общества. Отделение этнографии.* Т. XXIX. СПб., 1904. С. 194-201.
- Вамбери, 1884** – *Вамбери А.* Введение к соч. Вамбери «Первобытная культура тюрко-татарских народов. Омск, 1884. 49 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Гейер, 1891** – *Гейер И.И.* Ишаны. Материалы к изучению бытовых черт мусульманского населения Туркестанского края / *Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области.* Т. 1. Ташкент: Издание Сыр-Дарьинского Областного Статистического Комитета, С. И. Лахтин, 1891. 108 с. С. 62-82.
- Добросмыслов, 1901** – *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторические очерки // *Известия Оренбургского отдела Императорского русского географического общества.* Вып. № 16. Оренбург, 1901. С. 125-272.
- Жумадилдаев, Алпысбес, 2019** – *Жумадилдаев М.М., Алпысбес М.А.* Марал ишан туралы тарихи деректер // *Вестник ЕНУ имени Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение.* 2019. №2 (127). С. 27-33.24.
- Жұмабаев, 2009** – *Жұмабаев С.* Біржанның белгісіз ғұмыры. Нұралы шежіресі. Редакторы Қайролла Мұқанов, Қаратай Биғожин, Таңат Сүгірбаев. Петропавл, 2009. 212 с.
- Зиманов, 1960** – *Зиманов С.З.* Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX вв. Алма-Ата, 1960. 293 с.
- Иванов, 1873** – *Иванов Н.П.* Хивинская экспедиция 1839-40 гг.: Очерки и воспоминания очевидца. СПб., 1873. 212 с.
- Ислам..., 1999** – Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. М.: Восточная литература, 1999. 166 с.
- Ислам..., 2001** – Ислам на территории бывшей Российской империи. Вып. 3. Энциклопедический словарь. Ред. С. М. Прозоров. Москва: Восточная литература, 2001. 181 с.
- Казанцев, 1839** – *Казанцев И.* Об Оренбургских или Зауральских Киргизах Восточной части и о Киргизской Баранте // *Санкт-Петербургские ведомости.* 1839. Апреля 14. № 80. С. 352-354.
- Казанцев, 1867** – *Казанцев И.М.* Описание Киргиз-Кайсак. Санкт-Петербург, 1867. VIII, 231 с.
- Крафт, 1900** – *Крафт И.И.* Из киргизской старины. Оренбург, 1900. С. 88-90.
- Күзембайұлы, 2011** – *Күзембайұлы А.* Марал ишан Құрманұлы // *Ашамайлы-керей Танаиш баба шежіресі.* Қостанай: Центрум, 2011. С. 180-184.
- Қазақстан..., 2019** – Қазақстан тарихы. Энциклопедия. Том 2. Сост. С. Рустемов. Алматы: Литера – М, 2019. 861 с.
- Қазақстан..., 2020** – Қазақстан тарихы. Энциклопедия. 3 том. Алматы: Литера – М, 2020. 824 с.
- Құмар, 2011** – *Құмар Н.* Ер Қосай // *Ана тілі.* 15 июня 2011 г.
- Маллицкий, 1898** – *Маллицкий Н.* Ишаны и суфизм / *Материалы по Мусульманству.* Вып. III. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского Военного Округа, 1898. С. 2-9.

- Материалы..., 1898 – Материалы по мусульманству. Вып. I. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского Военного Округа, 1898. 96 с.
- Мұқанов, 1970 – Мұқанов С.М. Аққан жұлдыз. I кітап. Алма-Ата: Жазушы, 1970. 489 с.
- Муканов, 1974 – Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Наука, 1974. 200 с.
- Мұқанов, 2022 – Мұқанов С. Мәлдір махаббат. Астана: Фолиант, 2022, 576 с.
- Нұртайұлы, 2004 – Нұртайұлы С. Ислам және Марал баба. Алматы: Шарғарап, 2004. 112 с.
- Полевые..., 2001–2024 – Полевые материалы, собранные в ходе устных бесед с краеведами и потомками Марал ишана. Петропавловск – Алматы, 2001–2024.
- Потанин, 1918 – Потанин Г.Н. Казах-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // Живая старина. 1918. Выпуск II–III. С. 47–198.
- Потанин, 1909 – Потанин Н.И. Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего Н. И. Потанина. Омск, 1909. 258 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Руновский, 1863 – Руновский А.И. Муридизм и газават по объяснению Шамиля. Тифлис: тип. Глав. управ. наместника Кавказского, 1863. 70 с.
- Сартори, Шаблей, 2020 – Сартори П., Шаблей П.: Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. Москва: Новое литературное обозрение. 2020. 280 с.
- Северо..., 2004 – Северо-Казахстанская область. Энциклопедия. Алматы: Арыс, 2004. 672 с.
- Сүгірбаев, 2010 – Сүгірбаев Т.А. Қызылжар өңірінің зиялы қауымы. Ред. Қ. Мұқанов, С.Жұмабаев, др. Петропавл, 2010. 384 с.
- Толыбеков, 1992 – Толыбеков С. Қазақ шежіресі. Алма-Ата: Қазақстан, 1992. 144 с.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Becker, 1994 – Becker S. The Russian conquest of Central Asia and Kazakhstan: motives, methods, consequences. In: Hafeez Malik, ed. Central Asia: Its Strategic Importance and Future Prospects. New York, 1994. Pp. 21-38.
- Becker, 2004 – Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865-1924. Routledge; 2nd edition, 2004. 370 p.
- Brower, 1997 – Brower D. Islam and Ethnicity: Russia colonial policy in Turkestan, in: Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini (eds.) Russia Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917. Bloomington, 1997. Pp. 115-135.
- Frank, Usmanov, 2004 – Frank A., Usmanov M. An Islamic Biographical Dictionary Of The Eastern Kazakh Steppe 1770-1912 ((English and Arabic Edition). Brill Academic Pub, 2004. 179 p.
- Kabuldinov et al., 2022 – Kabuldinov Z.Ye., Abil Y.A., Kuzembayuly A. The Role of the Kazakhs in the History of the Siberian Khanate: Russian Pre-Revolutionary Historiography // Bylye Gody. 2022. 17(1): 57-66. DOI: 10.13187/bg.2022.1.57
- Morgan, 1981 – Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810-1895. London, 1981.
- Muminov, 2018 – Muminov A. Sufi groups in contemporary Kazakhstan: Competition and connections with Kazakh Islamic society. In: Sufism in Central Asia. New Perspectives on Sufi Traditions, 15th-21st centuries. Brill, 2018. Pp. 284-298.

References

- Abil', 2012 – Abil', E. (2012). Sufizm v natsional'no-osvoboditel'nom dvizhenii kazakhov vtoroi chetverti XIX veka [Sufism in the national liberation movement of the Kazakhs of the second quarter of the XIX century]. Materiály VIII mezinárodní vědecko - praktická konference «Dny vědy - 2012». Díl 55. Historie: Praha. 112 p. Pp. 16-20. [in Czech]
- Aikap, 1912 – Aikap. 1912. January – May, 1912. [in Kazakh]
- Ayashinov, 2013 – Ayashinov, D. (2013). Asat bii Atymbek uly (1775-1842) [Asad bey Altynbek uly (1775-1842)]. April 17, 2013. [Electronic resource]. URL: <https://yvision.kz/post/asat-biy-atymbek-uly-1775-1842-348172> [in Kazakh]
- Aubakirova, 2020 – Aubakirova, Kh.A. (2020). Kenesary Kasymov i General-gubernator Zapadnoi Sibiri Petr Gorchakov [Kenesary Kasymov and Governor-General of Western Siberia Pyotr Gorchakov]. Vestnik KazNPU im. Abaya. 4(67): 453-458. [in Russian]
- Becker, 1994 – Becker, S. (1994). The Russian conquest of Central Asia and Kazakhstan: motives, methods, consequences. In: Hafeez Malik, ed. Central Asia: Its Strategic Importance and Future Prospects. New York. Pp. 21-38.
- Becker, 2004 – Becker, S. (2004). Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865-1924. Routledge; 2nd edition, 370 p.
- Bekmakhanov, 1957 – Bekmakhanov, E. (1957). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii [The accession of Kazakhstan to Russia]. М., 337 p. [in Russian]
- Brower, 1997 – Brower, D. (1997). Islam and Ethnicity: Russia colonial policy in Turkestan, in: Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini (eds.) Russia Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917. Bloomington. Pp. 115-135.

- Dobrosyslov, 1901** – *Dobrosyslov, A.I.* (1901) Turgay region. Historical essays [Turgay region. Historical essays]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 16: 125-272. [in Russian]
- Frank, Usmanov, 2004** – *Frank, A, Usmanov, M.* (2004). An Islamic Biographical Dictionary Of The Eastern Kazakh Steppe 1770-1912. Brill Academic Pub, 2004. 179 p.
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [The State Archive of the Orenburg region].
- Geyer, 1891** – *Geyer, I.I.* (1891). Ishany. Materials for the study of everyday features of the Muslim population of the Turkestan region [Ishan. Materials for the study of everyday features of the Muslim population of the Turkestan region]. *Sbornik materialov dlya statistiki Syr-Dar'inskoi oblasti*. T. 1. Tashkent: Izdanie Syr-Dar'inskogo Oblastnogo Statisticheskogo Komiteta, S. I. Lakhtin, 1891. 108 p. Pp. 62-82. [in Russian]
- Ivanov, 1873** – *Ivanov, N.P.* (1873). Khivinskaya ekspeditsiya 1839-1840 gg.: Ocherki i vospominaniya ochevidtса [The Khiva expedition of 1839-1840: Essays and memoirs of an eyewitness]. SPb., 207 p. [in Russian]
- Islam..., 1999** – Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii. Entsiklopedicheskii slovar' [Islam in the territory of the former Russian Empire. The Encyclopedic Dictionary]. Entsiklopedicheskii slovar'. Vyp. 2. M.: Vostochnaya literatura, 1999. 166 p. [in Russian]
- Islam..., 2001** – Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii. Entsiklopedicheskii slovar' [Islam in the territory of the former Russian Empire. The Encyclopedic Dictionary]. Vyp. 3. Entsiklopedicheskii slovar'. Red. S. M. Prozorov. Moskva: Vostochnaya literatura, 2001. 181 p. [in Russian]
- Kabul'dinov et al., 2022** – *Kabul'dinov, Z.Ye., Abil, Y.A., Kuzembayuly, A.* (2022). The Role of the Kazakhs in the History of the Siberian Khanate: Russian Pre-Revolutionary Historiography. *Bylye Gody*. 17(1): 57-66. DOI: 10.13187/bg.2022.1.57
- Kazakhstan..., 2019** – Kazakhstan tarikhyy. Entsiklopediya [History of Kazakhstan. Encyclopedia]. Vol. 2. Comp. S. Rustemov. Almaty, 2019. 861 p. [in Kazakh]
- Kazakhstan..., 2020** – Kazakhstan tarikhyy. Entsiklopediya [History of Kazakhstan. Encyclopedia]. Vol. 3. Comp. S. Rustemov. Almaty, 2020. 824 p. [in Kazakh]
- Kazantsev, 1839** – *Kazantsev, I.* (1839). Ob Orenburgskikh ili Zaural'skikh Kirgizakh Vostochnoi chasti i o Kirgizskoi Barante [About the Orenburg or Trans-Ural Kyrgyz of the Eastern part and about the Kyrgyz custom of stealing horses]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. April 14. 80: 352-354. [in Russian]
- Kazantsev, 1867** – *Kazantsev, I.M.* (1867). Opisanie Kirgiz-Kaisak [Description of Kirghiz-Kaysak]. Sankt-Peterburg, VIII, 231 p. [in Russian]
- Kyzembaiyly, 2011** – *Kyzembaiyly, A.* (2011) Maral ishan Kyrmanly. Ashamaily-kerei Tanash baba shezhiresi [Maral ishan Kurmanov. Ashamaily-Kerey Tanash Baba genealogy. Kostanay. Pp. 180-184. [in Kazakh]
- Kymar, 2011** – *Kymar, N.* (2011). Er Kosai [Batyr Kosai]. *Native language*. June 15, 2011. [in Kazakh]
- Kraft, 1900** – *Kraft, I.I.* (1900). Iz kirgizskoi stariny [From the Kyrgyz antiquity]. Orenburg. Pp. 88-90. [in Russian]
- Mallitskii, 1898** – *Mallitskii, N.* (1898). Ishany i sufizm [Ishans and Sufism]. *Materialy po Musul'manstvu*. Vypusk III. Tashkent: Tipografiya Shtaba Turkestantskogo Voennogo Okruga. Pp. 2-9. [in Russian]
- Materialy..., 1989** – Materialy po musul'manstvu [Materials on Islam]. Vyp I. Tashkent: Tipografiya Shtaba Turkestantskogo Voennogo Okruga, 1898. 96 p. [in Russian]
- Morgan, 1981** – *Morgan, G.* (1981). Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810-1895. London.
- Mykanov, 1970** – *Mykanov, S.M.* (1970). Akkan zhyl'dyz. Roman [Flowing star]. Novel. Book I. Alma-Ata, 489 p. [in Kazakh]
- Mukanov, 1974** – *Mukanov, M.S.* (1974). Etnicheskii sostav i rasselenie kazakhov Srednego zhuza [The ethnic composition and settlement of the Kazakhs of the Middle Zhuz]. Alma-Ata, 200 p. [in Russian]
- Mykanov, 2022** – *Mykanov, S.* (2022). Moldir makhabbat [Transparent love]. Astana, 576 p. [in Kazakh]
- Muminov, 2018** – *Muminov, A.* (2018). Sufi groups in contemporary Kazakhstan: Competition and connections with Kazakh Islamic society. In: Sufism in Central Asia. New Perspectives on Sufi Traditions, 15th-21st centuries. Brill. Pp. 284-298.
- Nyrtaiyly, 2004** – *Nyrtaiyly, S.* (2004). Islam zhəne Maral baba [Islam and Maral Baba]. Almaty, 112 p. [in Kazakh]
- Polevye..., 2001–2024** – Polevye materialy, sobrannyye v khode besed s kraevedami, potomkami Maral ishana [Field materials collected during conversations with the local historians and descendants of Maral Ishan]. Petropavlovsk – Almaty. 2001–2024. (in Kazakh)
- Potanin, 1918** – *Potanin, G.N.* (1918). Kazakh-kirgizskie i altaiskie predaniya, legendy i skazki [Kazakh-Kyrgyz and Altai legends, legends and fairy tales]. *Zhivaya starina*. II–III: 47-198. [in Russian]
- Potanin, 1909** – *Potanin, N.I.* (1909). Kirgizskie stepi i Kokandskoe khanstvo v nachale XIX stoletiya po opisaniyu khorunzhego N. I. Potanina [The Kyrgyz steppes and the Kokand Khanate at the beginning of the XIX century according to the description of the cornet N. I. Potanin]. Omsk. Pp. 191-258. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

- Runovskii, 1863 – Runovskii, A.I. (1863). Muridizm i gazavat po ob'yasneniyu Shamilya [Muridism and Ghazavat according to Shamil's explanation]. Tiflis, 70 p. [in Russian]
- Sartori, Shablei, 2020 – Sartori, P., Shablei, P. (2020). Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v Kazakhskoi stepi [Empire Experiments: Adat, Sharia and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]. Moskva, 280 p. [in Russian]
- Severo..., 2004 – Severo-Kazakhstanskaya oblast'. Entsiklopediya [North Kazakhstan region. Encyclopedia]. Almaty, 2004. 672 p. (in Russian)
- Sygirbaev, 2010 – Sygirbaev, T.A. (2010). Kyzylzhar өңірінің зиялы қауымы [The intelligentsia of the Kyzylzhar region]. Editor: K. Mukanov, S. Zhumabayev. Petropavl, 384 p. [in Kazakh]
- Tolybekov, 1992 – Tolybekov, S. (1992). Kazak shezhiresi [Kazakh Chronicle]. Alma-Ata, 144 p. [in Kazakh]
- TGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Valikhanov, 1904 – Valikhanov, Ch.Ch. (1904). O musul'manstve v stepi. Sochineniya Ch.Ch. Valikhanova [On Islam in the Steppe. Works of Ch. Ch. Valikhanov. Ed. by N. I. Veselovsky]. Zapiski Rossiiskogo Geograficheskogo obshchestva. Otdelenie etnografii. T. XXIX. SPb. Pp. 194-201. [in Russian]
- Vamberi, 1884 – Vamberi, A. (1884). Vvedenie k sochineniyu Vamberi «Pervobytnaya kul'tura tyurkotatarskikh narodov» [Introduction to Opus Vamberi "The primitive culture of the Turkic-Tatar peoples"]. Omsk, 49 p. [in Russian]
- Zhymabaev, 2009 – Zhymabaev, S. (2009). Birzhannyn belgisiz gymyry. Nyraly shezhiresi [The unknown life of Birzhan. The Chronicle of Nuraly]. Editor: Kairolla Mukanov, Karatai Bigozhin, Tanat Sugirbayev. Petropavl, 212 p. [in Kazakh]
- Zhumadildaev, Alpysbes, 2019 – Zhumadildaev, M.M., Alpysbes, M.A. (2019). Maral ishan turaly tarikhii derekter [Historical facts about Maral Ishan]. Vestnik ENU imeni L. N. Gumileva. Seriya: Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie. 2(127): 27-33. [in Russian]
- Zimanov, 1960 – Zimanov, S.Z. (1960). The political system of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX centuries [The political system of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX centuries]. Alma-Ata. 293 p. [in Russian]

Оренбургские казахи Восточной части и имперские службы: специфика казахско-русских контактов в первой половине XIX века

Гюльнар Кайроллиновна Муканова ^{a, *}, Самат Жуматай ^b, Куралай Куандыковна Сарсембина ^a, Сатай Максутович Сыздыков ^b

^a Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. История российско-казахских отношений первой половины XIX века слабо изучена. Так, «белыми пятнами» историографии темы остаются персоналии казахских общественных деятелей и их участие в переговорных процессах с приграничными имперскими службами. Не только ханы, султаны и батыры, но и представители духовенства, как оказалось, были вовлечены в политические процессы в приграничных регионах. В XX столетии данные категории кочевого социума были отнесены к «враждебному классу» и вовсе изъяты из научного оборота. С новых методологических позиций имеет смысл изучить суть социального протеста среди оренбургских казахов восточной части, в которых Марал ишан Курманов, безусловно, играл роль духовного лидера. На основе научных методов (анализа и синтеза, компаративистики, принципов историзма и верификации источников) выявлены, систематизированы и изучены материалы из центральных исторических архивов России и Казахстана, периодические издания и книги XIX века. Переписка между пограничной администрацией и М. Курмановым раскрывает малоизвестные аспекты пограничных контактов. В статье предпринята попытка сравнить тактику степных лидеров, которые нередко использовали дипломатию как мирный способ решения проблемных вопросов. Критически изучены материалы дореволюционной печати. Выявлены факты миграции вместе с М. Курмановым казахских родов в южном и юго-восточном направлениях как следствие земельного кризиса и ряда нерешенных вопросов.

Ключевые слова: история, Российская империя, степь, казахско-русские отношения, социальный протест, духовные лидеры, целители, миграция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова), kopeev95@mail.ru (С. Жуматай)